

Н.В. Цветкова

© Цветкова Н.В., 2022

МОДЕЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ С.П. ШЕВЫРЁВА НАЧАЛА 1840-х ГОДОВ

Аннотация. В статье осмыслен цивилизационный подход С.П. Шевырёва к истории России и ее культуре. Философ и критик в разных трудах анализирует русскую историю и словесность, воспитание и образование в сравнении с западноевропейскими, приходя к выводу об их самобытном характере. Ученый считает главной задачей времени создание модели национальной культуры, сфера которой включает не только творчество, но и «духовное производство»: государственное и семейное воспитание и образование, в котором он выступает единомышленником теории «официальной народности» С.С. Уварова. В воспитании русского человека важную роль он возлагает на словесность в лице Пушкина и Гоголя, не принимая петербургской «промышленной литературы», представленной деятельностью Белинского, Булгарина, Греча, и противопоставляя им свои образовательные проекты в журнале «Москвитянин». Сделан вывод о соответствии содержания модели культуры Шевырёва теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.

Ключевые слова: С.П. Шевырёв; история и культура России; западная история и культура; теория культурно-исторических типов; Н.Я. Данилевский.

Получено: 10.09.2021

Принято к печати: 12.10.2021

Информация об авторе: *Цветкова* Нина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000, г. Псков, Россия.

E-mail: tsvetkova48@yandex.ru

Для цитирования: Цветкова Н.В. Модель русской культуры в работах С.П. Шевырёва начала 1840-х годов // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 32–54. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.02

Nina V. Tsvetkova

© Tsvetkova N.V., 2022

MODEL OF RUSSIAN CULTURE IN S.P. SHEVYREV'S WORKS OF EARLY 1840s

Abstract. The article deals with the civilizational approach of S.P. Shevyrev to the history and culture of Russia. In his works the philosopher and critic analyzes Russian history, literature and education in comparison with Western European ones, and comes to the conclusion about their distinctive character. The scholar considers the main task of his time to create a model of national culture, whose scope includes not only creativity, but also “spiritual production”: state and family upbringing and education. In this he supports the theory of “official nationality” by S.S. Uvarov. He assigns Pushkin and Gogol an important role in the education of the Russian man, not accepting the St Petersburg “industrial literature” by Belinsky, Bulgarin, Grech and opposing them his educational projects in the magazine “Moskvityanin”. The conclusion is that Shevyrev’s model of culture corresponds to N.Y. Danilevsky’s theory of cultural and historical types.

Keywords: S.P. Shevyrev; history and culture of Russia; Western history and culture; theory of cultural and historical types; N.Y. Danilevsky.

Received: 10.09.2021

Accepted: 12.10.2021

Information about the author: *Nina V. Tsvetkova*, PhD in Philology, Associate Professor, Pskov State University, Lenin Square, 2, 180000, Pskov, Russia.

E-mail: tsvetkova48@yandex.ru

For citation: Tsvetkova, N.V. “Model of Russian Culture in S.P. Shevyrev’s Works of Early 1840s”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 32–54. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.02

Деятельность С.П. Шевырёва, мыслителя и ученого, профессора Московского университета, в начале 1840-х годов подготовлена общим вектором развития его русской идеи, которая подробно изложена им в программной статье журнала «Москвитянин» «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841). Шевырёв анализирует значение европейских достижений в области

образования и культуры, общественного развития, рассматривая их сквозь призму истории каждой страны, как результат исторического прошлого [25, с. 25–34]. Анализ приводит его к выводу о «драме современной истории», о «последнем слове истории», определенном им как «Запад и Россия».

В чем же смысл «драмы»? По мысли ученого, он состоит в отношении российского образования и культуры к европейскому, в сравнении исторической судьбы России и западных стран: «Увлечет ли нас он (Запад. – Н. Ц.) в своем всемирном стремлении? Усвоит ли себе? Пойдем ли мы в придачу к его образованию? Составим ли какое-то лишнее дополнение к его истории? – Или устоим мы в своей самобытности? образуем мир особый, по началам своим, а не тем же европейским? Вынесем из Европы шестую часть мира... зерно будущему развитию человечества?» [24, с. 9].

Шевырёв, таким образом, среди старших славянофилов первым определит проблему «Россия – Запад», раньше И.В. Киреевского и А.С. Хомякова сформулирует свое понимание основных постулатов, связанных с гуманитарной сферой жизни государства, которые в начале 1840-х годов и составляют его русскую идею. В статье он поставит свое отечество перед выбором, хотя в самих вопросах уже потенциально присутствует ответ, в котором звучит уверенность в самобытном историческом пути России. Задавая вопросы, Шевырёв тут же апеллирует к Пушкину, приводя строки стихотворения «Наполеон» (1821): «Хвала! Он русскому народу / Высокий жребий указал». Критик изначально убежден в «высоком жребии» России. Анализируя статью «Взгляд русского на современное образование Европы», А.А. Ширинянец справедливо говорит о ее главенствующем пафосе: «Россия освобождается от влияния умирающего в нравственном отношении Запада, для того чтобы спасти его и все человечество» [25, с. 25].

В статье Шевырёв тщательно анализирует современность европейских стран (Италии, Англии, Германии, Франции) сквозь призму их истории. По определению философов XXI в., «современность как понятие философии культуры и политической теории обозначает проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей “картины мира” у членов этих обществ и

воспринимались ими в качестве высшей и объективной “онтологической” реальности (представляемой мифологически, религиозно, в виде универсальных моральных “законов природы” или иначе)» [9]. Совершенно очевидно, что Шевырёв, думая о России, хорошо понимая историю западных стран и ее уроки, видит на Западе момент «распада того строя высших ценностей», которые олицетворяла, в первую очередь, религия, и что отражалось в гуманитарной сфере: в просвещении, образовании, культуре, в общественной и семейной жизни, что можно определить словом «культура». Вот почему для него главной задачей в начале 1840-х годов станет создание модели русской самобытной культуры, фундаментальную основу которой составит православная вера. И эту задачу он разрешает в комплексе разнообразных гуманитарных проектов. Понимание Шевырёвым «культуры» вполне соответствует определению нашего времени. Как пишет современный ученый, это «...специфическая система норм, ценностей и смыслов, отличающая одно общество от другого (или различные части общества – социально-статусные или профессиональные), способствующая его интеграции и придающая ему самобытность» [5, с. 34].

Для Шевырёва совершенно очевидно, что «культура не является исключительно сферой досуга или сферой деятельности отдельных одаренных личностей, она формируется в сфере духовного производства и отвечает потребностям общества в создании разнообразных систем его жизнеобеспечения; говоря словами Б.С. Ерасова, культура составляет «“содержание духовного производства” – производства художественных и интеллектуальных ценностей» [26, с. 146]. В связи с таким пониманием культуры он строит собственную модель, учитывая гуманитарную сферу жизни и деятельности русского человека: духовную область, особенности истории, образование, воспитание, искусство (самое первое и важное словесное), традиции народа и т.д.

Служа отечеству, Шевырёв пристальное внимание обращает на Францию и Германию, оказывающих наибольшее влияние на Россию: на ее культуру, ее общественную и семейную жизнь. По мысли Шевырёва, распад нравственных ценностей во Франции и Германии происходит в результате исторических событий, имеющих много общего: в результате «реформации в Германии, революции во Франции». Он считает, что революция во Франции по-

рождает «разврат личной свободы, который всему государству угрожает совершенною дезорганизациею». Следствием происходящего во Франции стало то, что народ «уничтожил в себе чувство религии, обездушил искусство и обессмыслил науку» [24, с. 42].

Ученый заинтересованно анализирует положение в литературе Франции, которая «превращена в одно ремесло, продажное, как и всякое другое, с тою только разницею, что здесь продается священный дар Божий, слово, данное человеку для высших целей, и употребляется для удовлетворения мелких страстей и для совращения народа с пути истинного. Таковы отношения литературы к политической жизни во Франции. Она вымещает ей свое унижение, сея мятежный дух в народе и развращая его нравы» [24, с. 40].

Человек веры, историк древней русской литературы, Шевырёв говорит об искусстве слова, подразумевая его значение, о котором писал Ю.М. Лотман: «Одной из особенностей русской средневековой культуры был особый авторитет Слова. *Слово вмещает в себе и разум, и речь, и одно из наименований Сына Божия, и данный им людям закон.* <...> Слово никогда не ставится в один ряд с другими искусствами: они получают авторитет извне, от сакральных или феодальных ценностей. Слову же авторитетность присуща имманентно, как таковому. <...> В этом смысле естественно, что, *когда место религиозного авторитета оказалось вакантным, его заняло искусство Слова.* <...> *Заменив сакральные тексты, литература унаследовала их культурную функцию* [11, с. 88–89] (курсив мой. – Н.Ц.). Такое понимание слова объясняет явное неприятие Шевырёвым массовой французской литературы, «неистой словесности», «неистой драмы Гюго», романов Сю, Сулье, Дюма и др.

Ученый видит неблагополучие во Франции в сфере «тех гуманических, бескорыстных наук, которые кладут основу человеческому воспитанию в народе, что касается до философии, филологии древней, словесности новой, истории всеобщей и даже истории Франции, то преподавание их находится в совершенном упадке <...>» [24, с. 38]. Осознание французского опыта обусловит деятельность Шевырёва в «Москвитянине» именно в «гуманической» сфере: он критик, теоретик литературы, создатель истории древней русской словесности (в 1844 г. в журнале опубликует «Введение в историю русской словесности»), в начале 1840-х вы-

ступает с чтением публичных лекций о древней русской литературе, воспринимающих его современниками (И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым, М.П. Погодиным, Н.М. Языковым) как акт национального самосознания.

В.В. Зеньковский, осмысляя путь нравственно-духовных исканий Гоголя, Жуковского, И. Киреевского и Хомякова, употребил термин «новый гуманизм», который в конце 30-х – начале 40-х годов для них в общем смысле означает «возврат к церковному мировоззрению» или «построение цельного мировоззрения на основе церковного сознания» [7]. Этот термин в самом главном близок шевырёвскому термину «гуманический», составляет его ядро, которое освещает разные стороны его деятельности. Шевырёв использует термин «гуманический», отграничивая его от термина «гуманистический», в начале XIX в. связанный с представлениями «о человеке как существе особого высшего порядка», для которого «отличительной чертой является обладание разумом», а «универсальный мотив человеческого поведения есть эгоизм», что получило у С.Л. Франка название «профанного гуманизма» [20, с. 42]. На рубеже 30–40-х годов у Шевырёва, как и других бывших любомудров и будущих славянофилов, происходит смена философской парадигмы, когда они выбирают «путь в Церковь, путь религиозного восстановления, – религиозный апокатастасис мысли и воли», – говорит Г. Флоровский, так как «в восприятии тогдашних поколений религия осознавалась, прежде всего, именно как возврат к цельности, как собирание души (разрядка автора. – Н.Ц.), как высвобождение из того тягостного состояния внутренней разорванности и распада, которое стало страданием века. Подобный же религиозный постулат обобщался и на историческую действительность» [19]. В самом общем смысле «новый гуманизм» (В.В. Зеньковский) или «возврат к цельности» (Г. Флоровский) означают серьезное переосмысление «немецкого идеализма».

Термин «гуманический» отвечает философской позиции Шевырёва с начала 1840-х годов. Ее он изложил в статье «Христианская философия. Беседы Баадера» («Москвитянин», 1841, № 6). Статья была написана по материалам бесед, продолжавшихся почти три месяца в Мюнхене в 1840 г. Шевырёва глубоко привлекает и личность Баадера, и его философское учение, которое, по

мысли В. Виндельбанда, продолжает философию Я. Бёме и «в сущности <...> является теософским истолкованием построения истории с религиозной точки зрения. Развитие и индивидуума, и мира определяется в начальном пункте грехопадением, в конечном – искуплением, и должно быть понято при помощи этих событий. В то же время это развитие содержит в себе самоосвобождение Божества от его темной первичной сущности, самоосвобождение, являющееся следствием полного и абсолютного самопознания» [2, т. 2, с. 372].

Слишком многое мысленно выстраданное и искомое сошлось для Шевырёва в философии Баадера, опирающегося на учение Я. Бёме: мысли о единении философии и религии, путь «построения истории» и, быть может, самое главное – представления о человеке в его отношениях к Богу.

Шевырёв в москвитянинской статье либо цитирует, либо пересказывает Баадера, либо комментирует его, проявляя интерес и сочувствие его учению, разделяя положения его учения и утверждаясь в своих философских убеждениях. Он откровенно говорит, что не воспроизводит слова философа буквально, но «*позволяет себе выводить иногда и последствия, истекающие из Баадерова учения и применять их к разным явлениям*» [24, с. 238] (курсив мой. – Н.Ц.). И Шевырёв действительно выполняет свое намерение как в самой статье, так и впоследствии в собственных делах. Он развивает баадеровские идеи в своих публичных лекциях по истории древней русской словесности, по истории искусств и поэзии, а также в научных трудах: «История русской словесности» (1846–1860), «Об отношении домашнего воспитания к государственному» (1842), в критических статьях журнала «Москвитянин» и т.д.

Русскому ученому немецкий философ близок в том, что сочувствует учению Восточной церкви, что полемичен в отношении к философии Гегеля, в котором видит «одну из крайностей протестантизма», и «не сочувствует» «Шеллингову учению, даже и в новом его виде», что его философия имеет «рапсодический характер» [24, с. 237]. Самое существенное для русского и немецкого мыслителей – связь современной философии с Евангелием и трудами Отцов Церкви. Не случайно Иаков Бёме (Philosophus Teutonicus) – единственный для обоих близкий и продуктивный в современ-

ности философ, потому что дал философии Германии «христианское направление» [24, с. 238].

Современный исследователь объясняет тесное сближение русского ученого и немецкого философа как духовную потребность и знак времени: «В середине XIX в. в России остро встал вопрос об отношении религии и философии. И здесь особую роль сыграл последователь Бёме Франц фон Баадер, с именем которого был связан новый всплеск интереса к немецкому мистику в Германии. Импульсом послужило сочинение французского теософа Луи де Сен-Мартена “О заблуждениях и истине”. Знакомство с этим произведением перевернуло мировоззрение Баадера, который ощутил в нем нечто, воплощающее в себе “завещание” Бёме. <...> особое впечатление произвело на Баадера предсказание Сен-Мартеном нового духовного возрождения мира <...>» [17, с. 9–10].

Шевырёву важно, что «книга, в которой Баадер почерпал дух своего учения была Евангелие. <...> Отцы Церкви ему также знакомы» [24, с. 237]. Так религиозная философия Баадера для Шевырёва стала и открытием, и примером для того, чтобы в современности могла существовать не просто идея христианской философии, но возможность ее существования и практического применения. Подобно Киреевскому, Шевырёв занимается созданием современной русской философии, подчеркивая ее христианские основы, разрабатывает проблемы антропологии, соотношения веры и знания и др. Подобно И.В. Киреевскому, Шевырёв стремится «приобщить русских людей к Европейской науке и философии, к методам познания и теоретизирования, созданным европейцами для возделывания собственной культурной среды» [8, с. 7].

«Что такое христианская философия?» – главный вопрос, которому посвящена статья Шевырёва «Христианская философия. Беседы Баадера» в «Москвитянине». Опираясь на высказывания Баадера и дополняя его, Шевырёв предвосхитит основную проблематику более поздних статей И.В. Киреевского («О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», 1852; «О необходимости и возможности новых начал для философии», 1856). Как и Киреевскому, ему важно утвердить, что начало знанию положило не сомнение, как говорил Декарт и картезианцы, а вера. Сомнение – это «отрицание, отвержение». Значит, «начало знанию вера, а не сомнение: этот пункт чрезвычайно важен. С него

начинается разделение философии на христианскую и нехристианскую» [24, с. 240].

Не случайно поэтому фон статьи «Христианская философия. Беседы Баадера» составляет критика немецкой философии (Канта, Фихте, Шеллинга, особенно Гегеля) по проблемам отношения духа и природы, знания и веры, антропологии и т.д. В противоположность названным философам Я. Бёме Шевырёвым позиционируется как объективно разрешивший вопрос об отношении духа и природы, учивший тому, «как идея открылась через природу», доказавший, что «откровение или осуществление идеи, как бытия для себя, условливается через бытие начала природы не для себя, а для идеи» [24, с. 248].

Я. Бёме, по мнению Шевырёва, открыл главную истину христианства, по которой «примирение идеи и природы, или правильное, начала природы» происходит «в Слове, λόγος» [24, с. 249]. В статью входят важнейшие понятия русской религиозной философии: «это Слово, искони бывшее в Боге и служащее посредником между идеею и природою, есть Сын. Искони, прежде всех веков, превечная Любовь Божия открылась в Сыне, равно как разум человеческий открывается в слове, которое ему единосущно» [24, с. 250]. Эти теоретические положения Шевырёв разовьет в критических статьях «Москвитянина», в своей научной монографии «История русской словесности», первая часть которой выйдет из печати в 1846 г. Впоследствии о проблемах русской христианской философии будут говорить религиозные философы России XX в. (В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев и др.).

Христианская философия преломляется в беседах Шевырёва и Баадера в практику жизни, в жизненные правила, построенные на отношениях Бога и человека, которому «предстоит троякая обязанность: освободить природу от страданий, освободить душу сочеловеков от страданий же и наконец вместе с самим Христом нести крест» [24, с. 427]. В такой логике заложена философия цельной жизни, определены ее главные смыслы, которые Шевырёву будут важны в его научной, педагогической, журналистской деятельности.

Концовка статьи Шевырёва «Христианская философия. Беседы Баадера» говорит о его идеале. Если в молодости им был Петр Великий, то теперь идеал связан с Богом. Об этом Шевырёв

говорит, целенаправленно противопоставляя Христа всем крупным деятелям мировой истории (в том числе Петру Великому), обладающим нравственными недостатками и человеческим несовершенством: «Возьмите Наполеона, Петра, Карла Великого, Юлия Цезаря, Александра Македонского. Всякой из них был предметом справедливого удивления и не менее справедливого порицания. Возьмите всех славнейших законодателей мира: не то же самое? <...> Везде есть слабая сторона, везде пята Ахиллова. Не видно ли по всему, что человек находится в состоянии греха, в состоянии падения? <...> Кто в истории человечества един совершенный? Только Христос, распятый на Голгофе» [24, с. 282].

И вся история человечества, находящаяся «в состоянии падения», по Шевырёву, может и должна собраться вокруг «идеи Христианства», «идеи Божественной». В 40-е годы его русская идея обращена к «будущему всемирному, всеобъемлющему развитию Христианства», которое может принадлежать такому народу, который «сохранил примерную верность своей церкви» и который способен «далее развивать Христианство в духе всечеловеческом» [24, с. 280].

В философии Баадера Шевырёв находит искомое им единство ее с религией, которая освещает и его представления об истории как России, так и европейских стран. С этой точки зрения история Германии для него представляет пример крайнего неблагополучия: «глубоко таящийся в ее внутреннем развитии» «разврат мысли – <...> невидимый недуг, порожденный в ней Реформациею», расколовшей «Германию в отношении к вопросу религиозному на две резкие половины: на северо-восточную и юго-западную <...>» [24, с. 47].

Шевырёв свои надежды обращает к России, которая, в отличие от Запада, «не делила с ним его недугов; она сохранила свое великое единство, и в роковую минуту, может быть, она же назначена от Провидения быть великим Его орудием к спасению человечества» [24, с. 61]. Подобно Пушкину, он считает, что в исторической судьбе России присутствует Провидение, что «мы должны поневоле ограничиться богатым протекшим Западом и искать своего в нашей древней истории» [24, с. 62].

Шевырёв имеет в виду самостоятельный исторический путь России. Он ссылается на С.С. Уварова, автора знаменитой триады

«Православие. Самодержавие. Народность», которую М. Шевченко считает перифразом старинного военного девиза «За Веру, Царя и Отечество!» [23] и «расшифровывает» по-своему ее составляющие: «древнее чувство религиозное»; «чувство ее государственного единства, вынесенное нами также из всей нашей истории»; «сознание нашей народности» [24, с. 64]. Для ученого народность – это обширный мир традиционных понятий, близкий, по нашему мнению, уваровскому, о котором пишет Н.А. Зверева: «...принцип традиционный, основанный на нравственном, моральном, культурном, духовном, социальном и политическом единстве. <...> По мысли Уварова, “народность” – это синоним исторического равноправия народа в среде других таких же. “Народность” – это всеобъединяющее начало, это душа нации, пронизывающая все сферы политической, социальной и культурной жизни государства» [6, с. 30].

Несомненно, что министра просвещения и молодого ученого сближала общая цель создания отечественной культуры. По нашему мнению, с опорой на таких ученых Московского университета, как Шевырёв, Погодин, И.И. Давыдов и др., Уваров мог реализовывать стратегию «просветительского взаимодействия власти и ученого сословия» [14, с. 28].

Основные смыслы программной статьи «Москвитянина» позиционируют Шевырёва как человека государственной идеологии, готового служить стране, хорошо зная ее интересы, цели и задачи. Его позицию можно соизмерить и сравнить с тем, как свое служение России понимали и Н.М. Карамзин, и в настоящем министр просвещения С.С. Уваров, и близкие друзья Погодин и Гоголь. И.А. Виноградов замечает, что «во главу угла славянофильства Гоголь ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Именно этим объясняется глубоко «охранительное» отношение Гоголя к русской государственности. В таком понимании значения России в славянском мире Гоголь был отнюдь не одинок. Среди его единомышленников можно назвать Н.М. Карамзина, С.С. Уварова, М.П. Погодина, С.П. Шевырёва (старейших представителей славянофильского движения)» [3, с. 43].

Интересы России определяют разностороннюю деятельность Шевырёва, связанную с воспитанием и образованием, которая серьезно сближает его с Уваровым, видевшим «в восстановлении в нас Святой Руси, но уже не в прежнем ограниченном виде, а в нынешнем, достойном великой Монархии и всеобщих успехов образованности» [6, с. 30].

Шевырёв сформулирует основные положения теории воспитания русского человека и гражданина отечества в статьях «Москвитянина»: «Об отношении семейного воспитания к государственному» («Москвитянин», 1842, № 7), «Приемные экзамены в Московском университете» («Москвитянин», 1841, № 9), «Экзамены в Московском университете» («Москвитянин», 1842, № 8) и др. публикациях.

В статье «Об отношении семейного воспитания к государственному» он разрабатывает теорию воспитания с мыслью о «всечеловеке». Он говорит о важности как семейного, так и государственного воспитания, подчеркивая главенствующую роль последнего. Мысль Шевырёва о преимуществе государственного воспитания перед домашним была близка Пушкину, который в записке «О народном воспитании» (1826) писал: «<...> должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удерживать, дать ему время <...> созреть в тишине училищ. <...> В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное» [12, с. 32].

С научной основательностью Шевырёв подходит к изучению сделанного до него в этой области педагогики. Он анализирует труды ученых от Пифагора до Песталоцци и других своих современников, опираясь на христианскую философию и антропологию: «Под именем воспитания должно разуметь возможно полное развитие всех телесных, душевных и духовных способностей человека, от Бога ему данных, развитие, согласное с высшим его назначением и применимое к народу и государству, среди которых Провидение назначило ему действовать» [24, с. 455]. Он считает, что «воспитание каждого народа должно быть создаваемо на коренных основах его бытия» [24, с. 518].

В Древней Руси, где особая роль принадлежала церкви, по мнению Шевырёва, воспитывала человека семья. В этот период семейная жизнь укрепляла государство. С воцарением Петра раз-

рушается «единство семьи и нации», в связи с чем ученый делает вывод: «В новом периоде жизни русская семья должна вмещать первый слой <...> основной христианский <...> средний... народный <...> третий... слой избранного европейского образования» [24, с. 510].

Филолог и педагог конца XIX в. И.П. Смелъницкий в своих воспоминаниях писал о том, что «залог общественного и государственного благосостояния России Ш<евырѣ>в видел в свободе и просвещении народа. Всю жизнь и деятельность свою он принес в жертву особенно последней идее <...>». А в статье Шевырѣва «Об отношении семейного воспитания к государственному» он справедливо отмечал главенство религиозного начала: «Основным идеальным положением Ш<евырѣ>ва является воспитание всего цельного человека <...> затем Ш<евырѣ>в <...> требует, чтобы воспитание было народным и соответствовало целям государства, в котором человеку определено судьбою действовать» [16, с. 345].

И.Б. Гаврилов выделяет мысль Шевырѣва о том, что воспитание каждого народа должно созидаться на коренных основах его бытия. Важнейшим корнем бытия русского, «древней семейной святыней» [4, с. 316] для Шевырѣва, как и для его единомышленников И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, М.П. Погодина и др., была первопрестольная православная Москва, сохранявшая свой заветный обычай семейной жизни, живую связь с семейным бытом допетровской Руси.

Религиозный философ, богослов и создатель теории воспитания П.И. Линицкий, в конце XIX в. подытоживая споры западников и славянофилов, делает вывод, с которым мог бы согласиться Шевырѣв: «<...> с одной стороны, религиозное просвещение, которое, как справедливо заметил Достоевский, нам нет нужды заимствовать от западных народов, а с другой – строго-научное образование в том виде, как оно издавна существует на западе, вот те основания, на которых должно утверждаться наше вполне самобытное национальное развитие» [10, с. 254].

«Самобытное национальное развитие» России, о котором он думает, сообщает его программной статье в «Москвитянине» оптимизм и уверенность в будущем страны, ее провиденциальной роли. На Россию Шевырѣв возлагает созидательную миссию в мировой истории и в выводах предвосхищает историософские

идеи Достоевского. Шевырёв пишет: «В гибельные эпохи переломов и рушений, какие представляет история человечества, Провидение посылает в лице иных народов силу, хранящую и соблюдающую: да будет же такую силою Россия в отношении к Западу! да сохранит она на благо всему человечеству сокровища его великого протекшего и да отринет благоразумно все то, что служит к разрушению, а не к созиданию! да найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный, в котором все чужое, но человечески прекрасное сольется с русским духом, духом обширным, вселенским, христианским, духом всеобъемлющей терпимости и всемирного общения!» [24, с. 66–67].

Такие выводы Шевырёва оказываются близкими как А.С. Хомякову, который считал Россию «носителем нравственно-религиозных начал, призванных обновить мир», что «ей суждена великая роль в судьбах человечества», так и, повторимся, Достоевскому, который «отстаивал российскую самобытность – и в то же время был убежден, что “национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение”» [13, с. 77].

Как религиозный мыслитель, Шевырёв работает над проектами в области воспитания, образования и просвещения, современной литературы и считает православную веру и церковь, русскую религиозную философию теми началами, которые должны стать основой самобытного развития отечества и «обеспечить реализацию культурно-исторического потенциала России как государства» [8, с. 11]. Так считал его друг И.В. Киреевский.

Пробуждение в современнике духовного начала Шевырёв прежде всего связывает с воздействием на него словесного искусства, выделяя как великое достояние в русской литературе творчество Пушкина, Гоголя или сочинения, привлекающие высокими мыслями, образами. В эпоху расцвета «натуральной школы» он защищает литературу, ориентированную на высшие «классические <...> уровни» [1, с. 140]. Он считает, что «литература в России – дело государственное и частное, дело всех и каждого, кто только получил призвание к ней от Бога» [24, с. 632]. Он уверен, «что переходный период словесности современной представляет мало утешительного по причине *излишнего влияния духа торговли и корыстного журнализма* [курсив мой. – Н.Ц.]. Он с надеждой

говорит о русской литературе и о ее судьбе: «<...> не унываем нисколько, провидим много светлого в будущем, ожидаем великого развития и встречаем несколько отрадных явлений» [24, с. 8].

Шевырёв считает науку решающим фактором в развитии литературы. В современности в Европе, по мысли ученого, «литература свергла оковы науки и, овладев свободой книгопечатания, внесла в науку и в жизнь хаос личного произвола, смешение слов и понятий» [24, с. 10]. В России он предвидит противоположное: «У нас будет напротив: у нас наука должна убить в литературе дух торговый, сообщить ей интерес мысли, обратить ее от легких и пустых занятий на вопросы важные, и истребить все низкие ее свойства и привычки духом благородства, уважения, терпимости и приличия, сопутствующих истине» [24, с. 10–11] (курсив мой. – Н. Ц.).

Состояние некоторых явлений современной литературы вызывает у Шевырёва резкую критику. В статье 1842 г. «Взгляд на современное направление русской литературы (Вместо предисловия ко второму году “Москвитянина”»)» он показывает две ее противоположные стороны: «Статья первая. Сторона черная» и «Статья вторая. Сторона светлая. (Состояние русского языка и слога)». Говоря о «черной стороне» литературы, Шевырёв имеет в виду петербургскую литературу и журналистику: «Отечественные записки» А. Краевского и В. Белинского, «Северную пчелу» Ф. Булгарина и Н. Греча. Он не щадит «промышленное направление русской словесности» [24, с. 534], хотя считает, что общественная потребность порождает промышленную литературу. Но он хочет, чтобы в России только «вслед за бескорыстными художниками слова» выходили писатели-промышленники.

В подтверждение своей веры в русскую литературу Шевырёв в «Москвитянине» в 1844 г. начинает знакомство читателей со своей научной монографией «История русской словесности, преимущественно древней», публикуя «Введение в историю русской словесности». Заслуга ученого заключается в открытии огромного пласта древней русской словесности, в его описании, осмыслении и периодизации. Он приходит к выводу о цельности бытия русского народа, обусловленного верой, которая помогает переживать России разные исторические эпохи, в том числе и Петров-

ских реформ, и современность и которая станет краеугольным камнем его концепции русской словесности.

Языку современной литературы он посвящает свои размышления и выводы в обзоре «Москвитянина» 1842 г. По замечанию ученого, «Пушкин, который, первый, как художник, обратил внимание на русские песни и сказки и народную молвь поставил в число источников избранного языка. До Пушкина то же направление явилось, если хотите, и в басне Крылова. <...> Вслед за Пушкиным, многие романисты наши стали возделывать ту же руду» [24, с. 560]. В пробуждении народности, по мысли ученого, важны исторические события (Отечественная война 1812 года) и последние тома «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина. Шевырёв подробно говорит об авторах, разрабатывающих «народную устную стихию в русском языке»: Погодине, Загоскине, Дале, Вельтмане и др.

Он считает, что, «переходя от литературы собственно к другим отраслям языка русского, мы заметим, что у нас почти с самого начала христианской грамоты никогда не иссякало в проповеди церковной слово веры», что в литературный язык ученые вносят различную лексику, например, «философия обогатила народную терминологию, благодаря трудам наших духовных философов <...>, светских ученых <...>», а «язык естественных наук много обязан трудам покойного М.Г. Павлова, Максимовича <...>» [24, с. 581–582]. Таким образом, Шевырёв с удовлетворением говорит о таком русском литературном языке, который рождается в России, чтобы служить как собственно литературе, так и разным отраслям науки, общественной, культурной жизни и т.д. В начале XX в. Н.С. Трубецкой писал, что «литературный язык отражает культурную жизнь и цивилизацию (ход и результаты научной, философской и религиозной мысли, политической и социальной, юридической и административной деятельности)» [18, с. 166].

Стремление создать литературный язык России, отвечающий более широкой по своим областям научной и культурной жизни и развитой цивилизации, пронизывает статью Шевырёва о светлой стороне современного направления русской литературы. Он с надеждой пишет о будущем значении русского литературного языка в мировой культурной и цивилизационной истории: «Мысль еще не принадлежит нам до тех пор, пока она не сказалась в родном

нашем слове: облеченная в язык иноземный, она может принадлежать только частным лицам, но не перейдет еще в дух нации: чтобы быть в народе, она должна воплотиться в языке его. – Все мы, действующие мыслию и словом на образование народное, по разным ветвям поэзии, словесности, науки, как бы ни разделялись мнениями, должны помнить, что у всех нас одна задача: *выразить мысль всеобъемлющую, всемирную, всечеловеческую, христианскую, в самом русском слове*» [24, с. 584] (курсив автора. – Н. Ц.).

По мысли Шевырёва, Пушкин в своем творчестве смог выполнить эту задачу, выразив «всечеловеческое» содержание, поняв дух людей разных национальностей и эпох и породившись с вечностью. В таком восприятии поэта критик предвосхитит Пушкинскую речь Достоевского [22, с. 127–150].

В методологии критики Шевырёв до Белинского (1842, «Речь о критике...») утверждает единство исторической и эстетической оценок в анализе художественного произведения, при этом направляя внимание на внутренний мир автора, его духовную составляющую. Этот принцип он положит в основу рассмотрения художественных произведений в монографических рецензиях о сочинениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, об отдельных произведениях русских и зарубежных авторов, применяя его и в годичных обзорах. Шевырёв, таким образом, делает «главным, центральным предметом науки о литературе – поэтическое произведение как таковое», начиная в России традицию интерпретации и предшествуя ее теориям в XX в., когда «учитываются специфические черты гуманитарного знания и принципы герменевтики – то, что стало в начале XX века предметом научно-философских штудий В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея, М. Вебера, В. Штерна; позже – Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина, а также Г.-Г. Гадамера» [21, с. 10, 14].

Хорошо понимая современный момент столкновения отечественной литературы с чужеродными для нее явлениями («промышленная литература»), Шевырёв, теоретик литературы и критик, остается верен ориентации на «классические уровни» [1, с. 140]. Такая позиция придает глубоко концептуальный характер его осмыслению Пушкина, которого критик воспринимает как национального русского поэта, национальную нравственную и эстетическую меру, как поэта, глубоко выразившего национальное бытие, имеющего мировое значение, как русского классика.

В восприятии Шевырёва Пушкин олицетворяет русского человека, неотделимого от своих национальных корней, от почвы, от жизни со своими гениальными порывами и достижениями и со своими недостатками, имплицитно присущими русскому быту и бытию. Критик соизмеряет личность и творчество Пушкина с Россией, ее историей и исторической судьбой. Шевырёв пишет: «<...> вся поэзия Пушкина, как современная ему Россия, представляет чудный, богатый эскиз недовершенного здания, которое народу русскому и многим векам его жизни предназначено долго, еще долго строить <...>» [24, с. 377].

Таким образом, Шевырёв первым в истории русской эстетической мысли рассматривает творчество Пушкина как основу традиций современной литературы России, как ее «классический уровень». Критик создает концепцию русской литературы, предвосхищая выводы почвенников: А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Ф.М. Достоевского. В утверждении Шевырёва о том, что «чудное сочувствие Пушкин имел со всеми гениями поэзии всемирной» [24, с. 355] прослеживается близость к Пушкинской речи Ф. Достоевского.

«Москвитянин» он понимает и позиционирует как «кафедру, но воздвигнутую на всю неизмеримую Россию, действующую во всех концах ее, на все сословия, на все возрасты, на всю массу читающего народа» [24, с. 9], как «сборное место для всех ученых России, где бы они могли, каждый по своей части, сообщать мнения свои относительно замечательнейших явлений как на Западе, так и в нашем Отечестве» [24, с. 11]. В статье «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год» он утверждает: «Великое дело предоставлено у нас науке и кругу ученых в отношении к литературе. <...> только одна наука может ее освободить из того отчасти печального и хаотического состояния, в котором она теперь находится. Настоят крайняя необходимость образовать и утвердить в литературе *мнение*, которого она не имеет. Основание этого мнения может быть утверждено только на основаниях самой науки, а совершить самое дело могут только все ученые вместе <...>» [24, с. 10].

Итак, журнал с художественными произведениями, с критическими и научными статьями Шевырёв позиционирует как орган сплочения ученых, писателей, поэтов, критиков и публицистов для

«гуманического» воспитания здоровых сил нации, в котором важную роль ученый отводит педагогике и современной литературе, истории русской литературы и русского языка, литературной критике и текстологии древнерусских текстов, гомилетике и истории литературного языка, музыковедению и искусствоведению и т.д.

Таким образом, в начале 1840-х годов Шевырёв в своих трудах фундирует модель русской культуры, подробно представляя и описывая разные ее составляющие. И во всех работах С.П. Шевырёва, филолога и философа, педагога и журналиста, создается то содержание, которое составило суть русского культурно-исторического типа, имеющего свой голос в масштабе всечеловеческом. Благодаря его трудам, В.В. Розанов мог сказать о Н.Я. Данилевском, создателе теории культурно-исторических типов: «<...> собственно для славянофильства как учения об особенностях русского народа и истории он ничего не сделал. Его роль была формально-классификаторская» [15, с. 252].

Список литературы

1. *Вершинина Н.Л.* Русская беллетристика 1830–1840-х годов. (Проблемы жанра и стиля). Псков: Псковский педагогический институт им. С.М. Кирова, 1977. 180 с.
2. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: Т. 1: От Возрождения до просвещения. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 640 с.; Т. 2: От Канта до Ницше / пер. с нем. под ред. А. Введенского. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 512 с.
3. *Виноградов И.А.* Славянофил-государственник. Н.В. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Том 1. № 2. С. 36–61.
4. *Гаврилов И.Б.* К характеристике философии воспитания С.П. Шевырёва // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 307–326.
5. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. Учебник для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 1996. 590 с.
6. *Зверева Н.А.* Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2005. 34 с.
7. *Зеньковский В.В.* История русской философии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istorija-russkoj-filosofii/ (дата обращения: 08.09.2021).

8. *Зимин А.И.* В поисках мудрости и веры / Иеромонах Василий (Саяпин), Шарипов А.М. Иван Васильевич Киреевский: Возвращение к истокам / под ред. проф. А.И. Зимина. М.: Издательство Главархива Москвы, 2006. 408 с.
9. *Капустин Б.Г.* Современность // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 05.09.2021).
10. *Линицкий П.* Славянофилы и либерализм. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1882. 256 с.
11. *Лотман Ю.М.* Очерки по истории русской культуры XVIII века // *Лотман Ю.М., Живов В.М., Аверинцев С.С., Панченко А.М.* Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII – начало XIX века). М.: Языки русской культуры, 1996. 831 с.
12. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. VII. Л.: Наука, 1978. 544 с.
13. *Работяжев Н.В.* Консервативная геополитическая мысль в России: преемственность и обновление // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 5. С. 74–94.
14. *Ратников К.В.* Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Поречье (идеологическая стратегия графа С.С. Уварова и его единомышленников). Челябинск: Околица, 2006. 236 с.
15. *Розанов В.В.* Поздние фазы славянофильства. Н.Я. Данилевский // *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М.: Республика. 1996. С. 246–252.
16. *Смельницкий И.* С.П. Шевырёв и его взгляды на задачи общественного воспитания // Науки жрец и правды воин! / С.П. Шевырёв; [сост., вступ. ст., путеводитель и коммент. Е.Ю. Филькиной]. М.: Русский Мир, 2009. С. 34–348.
17. *Тиме Г.А.* «Святой отец Яков Бемен» (рецепция наследия немецкого мистика в России) // Русская литература. 2011. № 4. С. 9–10.
18. *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995. С. 12–195.
19. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. VI Философское пробуждение. URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/06.html> (дата обращения: 08.10.2021).
20. *Франк С.Л.* Свет во тьме. М.: Факториал, 1998. 255 с.
21. *Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В.* Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы): учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 176 с.
22. *Цветкова Н.В.* «Всечеловеческое» и «всечеловек»: от С.П. Шевырёва к Ф.М. Достоевскому // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 2. С. 127–150.

23. Шевченко М. «Каждый должен служить престолу!» С.С. Уваров. URL: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/714-l-r-i.html> (дата обращения: 11.10.2021).
24. Шевырѐв С.П. Полное собр. литературно-критических трудов: в 7 т. СПб.: Росток, 2022. Т. 3, кн. 1. В печати.
25. Шевырѐв С.П. Полное собр. литературно-критических трудов: в 7 т. СПб.: Росток, 2022. Т. 3, кн. 2. В печати.
26. Шириняц А.А. Степан Петрович Шевырѐв // Шевырѐв С.П. Избранные труды / С.П. Шевырѐв [К.В. Рясенцев, А.А. Шириняц; автор вст. ст. А.А. Шириняц]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5–67.

References

1. Vershinina, N.L. *Russkaya belletristika 1830–1840-kh godov. (Problemy zhanra i stilya)* [*Russian Fiction of the 1830 s-1840 s. (Problems of Genre and Style)*]. Pskov, Pskovskii pedagogicheskii institut im. S.M. Kirova Publ., 1977, 180 p. (In Russ.)
2. Vindel'band, V. *Istoriya novoi filosofii v ee svyazi s obshchei kul'turoi i otdel'nymi naukami* [*The History of New Philosophy in its Connection with General Culture and Individual Sciences*]: Vol. 1: *Ot Vozrozhdeniya do Prosveshcheniya* [*From Renaissance to Enlightenment*]. 640 p. Vol. 2: *Ot Kanta do Nitsshe* [*From Kant to Nietzsche*]. Translation from German, ed. by A. Vvedenskogo, Moscow, Giperboreya Publ., Kuchkovo pole Publ., 2007, 512 p. (In Russ.)
3. Vinogradov, I.A. “Slavyanofil-gosudarstvennik. N.V. Gogol' v dvizheniyakh epokhi” [“Slavophile Statesman. N.V. Gogol in the Movements of the Epoch”]. *Dva veka russkoi klassiki*. Moscow, IMLI RAN Publ., vol. 1, no. 2, 2019, pp. 36–61. (In Russ.) DOI: 10.22455/2686–7494–2019–1–2–36–61
4. Gavrilov, I.B. “K kharakteristike filosofii vospitaniya S.P. Shevyreva” [“On the Characteristics of S.P. Shevyrev's Philosophy of Education”]. *Khristianskoe chtenie*, no. 4, 2017, pp. 307–326. (In Russ.)
5. Erasov, B.S. *Sotsial'naya kul'turologiya. Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [*Social Cultural Studies. Textbook for Higher Educational Institutions Students*]. 2nd ed., revised. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996, 590 p. (In Russ.)
6. Zvereva, N.A. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady S.S. Uvarova* [*Socio-Political Views of S.S. Uvarov*]. PhD in History Diss. Abstract, Volgograd, 2005, 34 p. (In Russ.)

7. Zen'kovskii, V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istorija-russkoj-filosofii/ (accessed: 08.09.2021). (In Russ.)
8. Zimin, A.I. “V poiskakh mudrosti i very” [“In Search of Wisdom and Faith”]. *Ieromonakh Vasilii (Sayapin), Sharipov A.M. Ivan Vasil'evich Kireevskii: Vozvrashchenie k istokam* [Hieromonk Vasily (Sayapin), Sharipov A.M. Ivan Vasilyevich Kireevsky: Return to the Origins], ed. by prof. A.I Zimina. Moscow, Izdatel'stvo Glavarkhiva Moskvyy Publ., 2006, 408 p. (In Russ.)
9. Kapustin, B.G. “Sovremennost'” [“Modernity”]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed: 05.09.2021). (In Russ.)
10. Linit'skii, P. *Slavyanofily i liberalism* [The Slavophiles and Liberalism]. Kiev, Tip. G.T. Korchak-Novitskogo Publ., 1882, 256 p. (In Russ.)
11. Lotman, Yu.M. “Ocherki po istorii russkoi kul'tury XVIII veka” [“Essays on the History of Russian Culture of the XVIII Century”]. Lotman, Yu.M., Zhivov, V.M., Averintsev, S.S., Panchenko, A.M. *Iz istorii russkoi kul'tury. T. 4 (XVIII – nachalo XIX veka)* [From the History of Russian Culture. Vol. 4 (XVIII – Early XIX Century)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 831 p. (In Russ.)
12. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]: in 10 vols. Vol. VII. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 544 p. (In Russ.)
13. Rabotyazhev, N.V. “Konservativnaya geopoliticheskaya mysl' v Rossii: preemstvennost' i obnovlenie” [“Conservative Geopolitical Thought in Russia: Continuity and Renewal”]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, no. 5, 2009, pp. 74–94. (In Russ.)
14. Ratnikov, K.V. *Kholopy ili sobesedniki? Professorskie voyazhi v Porech'e (ideologicheskaya strategiya grafa S.S. Uvarova i ego edinomyshlennikov)* [Slaves or Collocutors? Professorial Voyages to Porechye (the Ideological Strategy of Count S.S. Uvarov and His Associates)]. Chelyabinsk, Okolitsa Publ., 2006, 236 p. (In Russ.)
15. Rozanov, V.V. “Pozdnie fazy slavyanofil'stva. N.Ya. Danilevskii” [“Late Phases of Slavophilism. N.Y. Danilevsky”]. Rozanov, V.V. *Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo* [Legend of the Grand Inquisitor by F.M. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1996, pp. 246–252. (In Russ.)
16. Smel'nitskii, I. “S.P. Shevyrev i ego vzglyady na zadachi obshchestvennogo vospitaniya” [“S.P. Shevyrev and His Views on the Tasks of Public Education”]. *Nauki zhrets i pravdy voin!* [The Priest of Science and the Warrior of Truth!], S.P. Shevyrev [ed., preface and comm. E.Yu. Fil'kina]. Moscow, Russkii Mir Publ., 2009, pp. 341–348. (In Russ.)

17. Time, G.A. “Svyatoi otets Yakov Bemen’ (retseptsiya naslediya nemetskogo mistika v Rossii)” [“Holy Father Yakov Behmen’ (the Reception of the Heritage of the German Mystic in Russia)”]. *Russkaya literatura*, no. 4, 2011, pp. 9–10. (In Russ.)
18. Trubetskoi, N.S. “Obshechslavyanskii element v russkoi kul’ture” [“The common Slavic Element in Russian Culture”]. Trubetskoi, N.S. *Istoriya. Kul’tura. Yazyk. [History. Culture. Language]*. Moscow, 1995, pp. 12–195. (In Russ.)
19. Florovskii, G. “Puti russkogo bogosloviya. VI Filosofskoe probuzhdenie” [“The ways of Russian Theology. VI Philosophical Awakening”]. Available at: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/06.html> (accessed: 08.10.2021). (In Russ.)
20. Frank, S.L. *Svet vo t’me [Light in the Dark]*. Moscow, Faktorial Publ., 1998. 255 p. (In Russ.)
21. Khalizev, V.E., Kholikov A.A., Nikandrova O.V. *Russkoe akademicheskoe literaturovedenie: Istoriya i metodologiya (1900–1960-e gody) [Russian Academic Literary Studies: History and Methodology (1900–1960-s)]*: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow; St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, 176 p. (In Russ.)
22. Tsvetkova, N.V. “Vsechelovecheskoe’ i ‘vsechelovek’: ot S.P. Shevyreva k F.M. Dostoevskomu” [“‘The All-Humanly’ and ‘the All-Human’: from S.P. Shevyrev to F.M. Dostoevsky”]. *Dostoevskii i mirovaya kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2018, pp. 127–150. (In Russ.)
23. Shevchenko, M. “Kazhdyi dolzhen sluzhit’ prestolu!” S.S. Uvarov”. [“‘Everyone Should Serve the Throne!’ S.S. Uvarov”]. Available at: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/714-l-r-i.html> (accessed: 11.10.2021). (In Russ.)
24. Shevyrev, S.P. *Polnoe sobranie literaturno-kriticheskikh trudov [Complete Collection of Literary and Critical Works]*: in 7 vols. St Petersburg, Rostok Publ., vol. 3, b. 1, in print. (In Russ.)
25. Shevyrev, S.P. *Polnoe sobranie literaturno-kriticheskikh trudov [Complete Collection of Literary and Critical Works]*: in 7 vols. St Petersburg, Rostok Publ., vol. 3, b. 2, in print. (In Russ.)
26. Shirinyants, A.A. “Stepan Petrovich Shevyrev” [“Stepan Petrovich Shevyrev”]. Shevyrev, S.P. *Izbrannye Trudy [Selected Works]*, S.P. Shevyrev [K.V. Ryasentsev, A.A. Shirinyants; avtor vst. st. A.A. Shirinyants]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2010, pp. 5–67. (In Russ.)